

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Золушка Олеся

После того, как супруг Олеси уехал в очередную плановую командировку в соседний город, и чуть позже сын отправился в школу, молодая женщина осталась ранним утром одна в квартире. Вроде бы это было обыкновенное заурядное утро вторника. Все это было так привычно знакомо, так житейски обычно.

Оставшись наедине с собой, Олеся послонялась из комнаты в комнату, включила телевизор, пробовала читать, но наваждение уже нахлынуло, а сердце запрыгало в груди как сумасшедшее в предвкушении чего-то совершенно необычного.

К двум часам она должна быть в другой части города, добровольно выйти из своей реальности и войти в совершенно другой мир, который поглотит её целиком. Домохозяйка, которую все знают, исчезнет, вместо неё появится совершеннейшая незнакомка с неординарными исключительными поступками.

Олеся почувствовала слабость, усиливающуюся тяжесть внизу живота, а также угрызения совести из-за своей двойной игры, тайной жизни. С другой стороны присутствующий риск быть пойманной придавал остроту, подхлестывал, вносил новую глубину в ощущения.

Ещё вчера вечером она получила короткое и четкое смс: «завтра в два». Вблизи был муж, с которым они вместе собирали его большую дорожную сумку на колесиках, но она смогла сделать вид, что ничего не произошло. И скрывшись в туалете со своим смартфоном, незамедлительно дала свой ответ, который отозвался в её влагилице тихой вибрацией: «слушаюсь моя Госпожа».

Что это за непонятная метаморфоза с ней происходит, черт возьми? Женщина легла на заправленную кровать и предалась недавним воспоминаниям. Госпожа...

Она познакомилась с женщиной, которую теперь могла величать только таким образом, месяц назад, и в тот же самый день знакомства она отдалась ей всецело.

Олеся вспоминала, как это случилось. Это произошло примерно в такой же с виду обычный день, когда она осталась одна дома предоставленная самой себе и своим потаенным желаниям, растворяясь в собственном богатом воображении.

В тот роковой день, около месяца назад, находясь дома в одиночестве, Олеся сидела перед компьютером, её розовые кружевные трусики и лифчик лежали на столе, красный шелковый халатик в китайском стиле был накинут на спинку крутящегося кресла. Сидящая женщина была абсолютно гола. Её изящная рука скользила от упругой груди, от затвердевших набрякших сосков, вниз по дрожащему животу проползая между разведенных бедер к пульсирующей киске, которая была очень влажна, так что соки сочились по внутренности голых бёдер. Олеся стонала.

В течение долгого времени, по меньшей мере, часа, с обостренным чувством она перманентно занималась мастурбацией. Наблюдая на экране монитора как не молодая полноватая крашенная блондинка, облаченная в черный кожаный жакет и черные кожаные леггинсы, гарцующая на высоченных каблуках приказами, криками, плеткой, дрессировала обнаженного молодого парня в ошейнике, скованные руки которого были высоко подняты над его головой и закреплены к торчащей из потолка цепи. Юноша годящейся садистке в сыновья, обучался называть старую суку Госпожой, считал каждый удар и благодарил за боль. — Ааа... Пятнадцать... Спасибо, моя Госпожа. Могу я получить еще удар?

— Какая прелесть... — Олеся прокомментировала увиденное затаив дыхание. Она со странным мерцанием в глазах наблюдала, как раба били плёткой по заднице, по груди, по эрегированному члену и прямо по яйцам. Молодой мужчина вертелся, стонал, вздрагивал, корчился от боли. Тот выбор, который он сделал сам — страдание. На его теле оставались видимые следы жестоких побоев плетью — вздувшиеся красные полосы, свежие ссадины и ушибы. Госпожа была злой. Госпожа была садисткой. Госпожа была первостатейной стервой. Она не признавала никаких границ и пределов, желала слышать крики раба, обладать его телом, наслаждаться его полным подчинением.

Пожилая женщина была своего рода художником, скульптором, с предельной сосредоточенностью она уверенно и умело лепила из послушной глины все что желала. Придирчиво осматривала результаты своих усилий, добавляла красного цвета тут, розового там, фиолетового здесь, пока полностью не удовлетворялась достигнутым эмоциональным и физическим состоянием своего подопечного. И его, оказавшегося в руках данной профессиональной доминантки все это действие, судя по приветственно торчащему члену, невероятно возбуждало. Он наслаждался болью, знал, как переработать её в удовольствие. Даже когда старая карга грубо хватала мужчину за яйца, крутила, сжимала их с силой, его эрекция ни на секунду не ослабевала, а благодарности на удивление не заканчивались:

— О, сильнее, сильнее! Спасибо моя богиня!

Олеся наблюдала злую ухмылку блондинки и представляла себе, каково это... быть на его месте. На месте мужчины из порно ролика, потерявшего все своё достоинство. На месте раба. Она призналась себе, что испытывает легкий укол зависти. Ей очень нравился строгий надменный взгляд доминантки из видеоролика, нравились её постоянные придирки и недовольство, её небрежное пренебрежительное отношение к мужчине, неистребимое желание подчинять и унижать, умение сделать из возможно самого добропорядочного человека жалкого ничтожного пресмыкающегося раба и мазохиста, который желает лишь одного — служить каждую возможную секунду.

Когда женщина наблюдала садомозахистские игры — в ней будто что-то взрывалось, это было подобно тому, если бы она видела в этом отражение всех своих собственных потаенных фантазий. Дома, оставаясь в одиночестве, проводив сына в школу, а мужа на работу, стыдясь саму себя, она большое количество времени тратила на чтение причудливой странной порнографии. Она читала много рассказов о рабстве, буквально влюбляясь в образ жизни рабыни служащей и живущей только для любой возможной прихоти своего Господина или Госпожи.

Все эти вещи были абсолютно неправильными, но ей не было до этого дела. Она была очень возбуждена, и только благодаря экспериментам с собой, тренировкам по задержки оргазма, удерживала себя саму на самом краю. Каждый раз, становясь так близко от последнего шага, как только возможно, она вынуждала себя, свою тонкую изящную руку и свой пальчик с идеальным маникюром останавливаться. Она планировала посмотреть или прочесть ещё что либо, не хотела кончать слишком скоро.

Женщина выключила фильм и зашла на бдсм сайт в раздел объявлений интимного характера. И увидела объявление некой «Госпожи». Может она та самая? За свои 32 года Олесе никогда раньше не приходилось заниматься сексом с женщиной, но эта мысль её возбуждала. А мысль подчиняться сильной деспотичной самке её заводила в двойне. Но с каких пор она стала примеряться в этой новой для себя роли покорной женщины? Она не

знала, откуда это пошло.

Возможно, отчасти виной тому была её взбалмошная истеричная мать и под стать ей старшая сестра, до самой юности (пока Олеся не поступила в институт другого более крупного города, куда и перебралась, поселившись в общежитие) подавляющие и третировавшие её спокойный покладистый характер.

Сколько себя сама помнила, Олеся была послушной пай девочкой. Она была похожа на тех девчонок в очках, что часто торчали в библиотеках, и была ею в действительности. Она любила книги, их запах, тишину библиотек. Она была полной копией своего отца, мягкого человека, типичного ботаника, который рано ушел из жизни, как это часто бывает с интеллигентами по причине ежедневного злоупотреблением алкоголя. Олеся всегда знала, что её мать прожженная стерва, и это было только лишь мягкой констатацией факта — как назвать женщину, которая ещё при живом муже гуляла направо и налево? Зачастую устраивая интрижки непосредственными собутыльниками отца. Впрочем, Олеся полагала, её мать ненавидела их всех вместе взятых не меньше чем отца, но похоже считала это отличной мстью и унижением. И всё это больное устройство их семьи было на её виду, оно функционировало на её юных глазах. Отец, молча, сносил обиды, уходя в себя, в какую-то свою реальность. Он высовывался из своей скорлупы и отвечал что-то невразумительное лишь в тех случаях, когда мать Олеси слишком уж донимала его. —... а твой-то Колюсюк ничего так ебать, он тебе не рассказывал, как мы всласть покувыркались тут давеча?

Мужчина с высоким лбом и с глубокими залысинами рассеянно смотрел на свою мучительницу своими давно потухшими болезненными глазами на бледном впалом худощавом лице. Жалкий ничтожный человечек, небритый, заросший, запущенный. Грязная клетчатая рубашка, которая казалась, претендовала на чистоту только в прошлой жизни, впрочем, не отставали от неё и старые сильно ношенные штаны. На полном контрасте с ним была его супруга — на редкость краснощекая пышущая здоровьем дородная бабища в идеально чистом нарядном, но пошлом платье в горошек. Женщина не отличалась умом, но всегда брала неистребимой энергетикой и ощущением собственной правоты во всем и всегда. — Лида, не придумывай... я знаю, что ты все врешь...

— Нет, не вру, так все и было! Ты получил по заслугам гребаный алкаш!

— Да нет же брешь ты... Ну и наглая же баба! Но я все равно тебя люблю...

Смех. Нет, гогот, громовой гогот её матушки, которым она заливалась так, что щеки ее тряслись.

— Да? Как сильно? Сильнее всех на свете?

— Конечно, Лидочка... больше всех тебя люблю и обожаю...

— Да-а, вот это любовь, — Издевательски отвечала её мать. — Ты, наверное, мазохист.

И каждый день её отец напивался до беспамятства. Мать и Ритка (старшая сестра Олеси) потешались над ним и вместе с тем, уже над ней самой, ведь она была так похожа на своего отца... Что касается сестры Риты, то Олеси всегда казалось, что в её к ней отношении к тому же явственно примешивалась и зависть чисто женская — ведь она была гораздо привлекательнее внешне. Притом её красота, стала гораздо заметнее, когда Олеся подросла и стала формироваться в девушку. В хрупкую, изящную, словно статуэтку, сотворенную хорошим мастером, который передал ей и тонкие черты лица, высокие скулы. Отличия её внешности от облика объемной бочкообразной старшей сестрички с картофелиной вместо носа к тому же с прыщами по всей роже — были грандиозными.

Кардинально различался и их характер. Поведение старшей сестры было всегда просто ужасное. Она курила, пила за гаражами, дралась. Была известной забиякой на районе. Ходили слухи, что за какой-то проступок одну красивую девочку из параллельного класса она с друзьями отвела на пустырь, заставила раздеться догола, встать перед собой на колени и просить прощения, униженно целуя при этом ноги.

Никто толком не знал, из-за чего это было (предполагали, что возможно эта красавица начала встречаться с парнем который Рите самой нравился, но не отвечал взаимностью), и было ли вообще. Но, несмотря на свою дурную славу и неоднозначные внешние данные, у неё уже в старших классах всюду были парни. И они часто менялись. Та была вся в маму.

Тем не менее, Олеся любила и мать и сестру. Несмотря ни на что. И она отчаянно стремилась заполнить хотя бы малейшее их одобрение. Она хотела доказать, как любит их. Олеся надеялась, что ей будут довольны. Но деспотичный и эгоистичный дуэт в виде матери — старшей сестры только постоянно ворчал, командовал, придумывал новые изощренные придирки. С тех пор как умер отец, все унижения, что доставалась им раньше на пару, теперь полагалась ей.

С её переездом в другой город этот ужас закончился. Будто ночной кошмар был разогнан лучами солнечного света. Её прежняя жизнь казалась ей ямой с нескончаемым дном, из которой она благополучно выбралась. Все, казалось, пришло в норму. Олеся больше никогда не испытывала подобного отношения к себе. Жизнь в новом городе наладилась, и она осталась в нем после окончания учебы.

Она нашла себе мужа, который хоть и не был принцем на белом коне, но устраивал ее, и создала семью. Она отдалась новой жизни целиком, и прошлое оставило её. Её жизнь стала стабильной, неторопливой и размеренной. Все устроилось. Она сразилась со своим прошлым и победила. Олеся была самой обычной женщиной — женой, матерью, домохозяйкой, но...

Открытие произошло внезапно. Это было два или три года тому назад.

Олеся лежала на кровати унесенная в мир своих фантазий и, сладострастно постанывая от наслаждения, занималась мастурбацией. При удобном случае и должном настроении она всегда любила ласкать саму себя, это приносило и давало ей утешение и не с чем несравнимую разрядку.

Её глаза были закрыты, она задыхалась, поскольку её проворный пальчик касался её липкого разреза влагалища, и она умело двигала рукой вверх и вниз по всей длине своей блестящей от соков набухшей розовой щелочки. Как вдруг неожиданно в голове без всякой видимой причины всплыла одна из ненавистных сцен из прежней жизни...

Она в родительской квартире, прилежная старшеклассница с милыми бантами в волосах сидит за столом и учит уроки, мать на работе, Рита треплется по телефону в соседней комнате с кем-то на повышенных тонах. Похоже, выясняет отношения с очередным парнем, который после пары перепихонов справедливо решил её кинуть... Закончив отборными мятюками свой разговор Рита с перекошенным от злобы лицом входит в комнату Олеси подходит сзади и не с того не с чего просто залепляет жвачку ей в волосы. Громко и истерично заржав при этом.

Впрочем, особого повода никогда и не требовалось. Олеся качественно отличалась от местного женского контингента её возраста — юных шалав, как внешне, так и внутренне, парни сразу понимали, что с ней есть о чём поговорить, она была интеллектуально развита, ко всему прочему все свободное время она посвящала кружкам и дополнительным занятиям

— занималась танцами, музыкой. Она развивалась. И училась неплохо. Выделялась жутко на общем унылом депрессивном фоне. Это всё не могло не остаться безнаказанным.

Олеся вздрогнула. Обернувшись назад, увидела над собой гору мяса, венчала которую физиономия сестрички, её злобные глаза.

— Ты что делаешь? Ты что с ума сошла... ? — Воскликнула Олеся, дернув руку к тому месту в волосах, где спутала волосы жвачка. Иногда ей казалось что Ритка и, правда, сумасшедшая.

— Ну, чего уставилась? Что ты мне сделаешь, заучка?! — С издевательской интонацией проговорила Рита и скорчила рожу.

— Чего ты ко мне пристаешь? Не нужно быть все время такой грубой Рита.

— А ты всегда хочешь быть добренькой такой? — Хмыкнула Рита, после чего преисполненная ненависти плюнула Олеся в лицо. Слюна попала ей на щеку и нос. У слюны был отвратительный тошнотворный запах табака и прогоркших семечек. — А теперь ты размажешь харчок по всей своей харе. Ну, начинай, я жду!

Олеся была настолько же красивая, тонкая, трепетная, настолько же и тихая. На её глазах мгновенно проступили слёзы от несправедливой обиды. Она закрыла лицо руками и зарыдала, от позора и хотела убежать в ванную, но её сестра, обладающая массивным телосложением борца сумо, с силой схватила её за волосы, скинула со стула и стала прижимать её голову к полу.

— Куда намылилась тварь! Извинись передо мной.

— За что? Будто это я виновата, в твоей тупой выходке! Прекрати!

— Следи за языком! Ты виновата. Скажи, что ты извиняешься.

— Нет! — Задыхаясь, выпалила Олеся. — Отпусти...

— Скажи это. Или я убью тебя.

Со зловещей демонической ухмылкой Рита с силой ударила её ногой в живот. Прижатая к полу Олеся задохнулась, закашлялась, а после заходилась в рыданиях.

— Извини...

— Громче!

— Извини меня!

Её мольбы, казалось, еще больше раззадоривали сестру. Ритка грубо взлохматила волосы сестры, так что те словно никогда не знали расчески, превратив её прическу в нечто невообразимое.

— Скажи что ты чучело.

Запаниковав, Олеся была готова говорить все что угодно. Тихонько всхлипывая, она шмыгнула носом.

— Я чучело.

— А чучелу нравится положение, в котором оно сейчас находится?

— Нет...

— Что?!

— Да...

— Очень хорошо. Но чучело пол, то теперь грязный! Смотри, мой харчок свалился на пол. Пора поработать. Давай Золушка... в своих фантазиях ты ведь Золушка? Очисти-ка пол. Ну-ка лизать! Пару раз, хорошенько пнув напоследок расprostертую у себя в ногах Олеся, Рита всё же отступилась, с развязным видом покачивая жирными ляжками напевая что-то под нос, оставила и комнату, и квартиру вместе с рыдающей Олесей...

Воспоминание было настолько ярким и острым что уже взрослая независимая и состоявшаяся Олеся, словно почувствовала доносящийся до нее сквозь годы вкус соленых слез во рту... Снова ощутила ту боль, тот страх и ужас, дрожь во всем теле... дикий адреналин. Именно он заставил кровь закипеть в жилах. Именно он отдался пульсацией в её клиторе. Такого странного чувства она еще никогда не испытывала. Её сердце сжалось. После всех этих лет, что она пыталась оградить себя от своих жутких воспоминаний, они явились к ней именно сейчас? Олеся, открыв глаза и замерев на время, отказываясь верить самой себе, прислушивается к своему телу. Сначала медленно начала гладить свою грудь, а затем... Она вспоминала об этом эпизоде и в то же время стала возиться между ног...

«После всего этого... как я могу... Я, что, совсем выжила из ума? Какая только муха меня укусила...» — Подумала Олеся, покачав головой. Затем протянула свободную руку, беря один сосок, и зажимала его несколько раз. Затем второй, одновременно манипулирую другой рукой в промежности. Когда пальчик стал воздействовать непосредственно на пульсирующий клитор, Олеся задергала бедрами как сумасшедшая, елозя и судорожно извиваясь на своих пальцах, которые стали совсем мокрыми, от клейких выделений. Во всё нарастающем ритме, она двигала бедрами навстречу своим пальцам, ритмично призывно постанывая, чувствуя как любовные соки, все сильнее текут от её влагалища по бёдрам.

Олеся остервенело, и лихорадочно работала рукой между раздвинутыми бедрами, вспомнила другой эпизод, насильно вырванный ею самой из памяти происходивший, когда она уже была девушкой. Несколько пьяных дружков Риты, на вечеринке у них дома (попойку Рита устроила в удобный момент, когда мать была где-то на даче с очередным любовником) завалились к ней в комнату и чуть не изнасиловали.

Два нетрезвых элемента прижали её к полу, нагло лазили везде руками и пытались раздеть, третий пришелец стоял рядом и пялился. Глупо улыбался. Олеся хотела закричать, но жутко боялась последующего позора. Она оказалась, словно загипнотизированной и отвечала негодяем лишь испуганными взглядами. К счастью подружка одного из подонков, все остановила. Случайно увидев происходящее, она назвала своего парня похотливым гавнюком и с напыщенным видом оскорбленного достоинства удалилась прочь к остальным гуляющим. Нет, её вовсе не заботила судьба Олеси, её только интересовала она сама. Сорвавшись с места, один из двух злодеев немедленно побежал догонять подругу, что бы вероятно успокоить и уверить, что та все не так поняла, что это просто шутка. Все остальные последовали за ним вслед. Видимо он был главным заводилой.

— Подумаешь, — Презрительно ухмыльнулась Ритка, когда на следующее утро Олеся ей об этом рассказала со слезами, катящимися по ее лицу. — Ну и изнасиловали бы они тебя. Всего-то трое. Это ещё ничего. Вон Люську в прошлом месяце, всей толпой оттарабанили, человек 12. Ну и ничего. Даже заявление писать не стала. Ей вроде даже как понравилось. Шалава она и есть шалава. А уж тебе и подавно бы понравилось. Вы все ботанички на самом деле похотливые шлюшки. Строите из себя недотрог, а сами... Поверь мне, я знаю, что говорю. Я наблюдательная. Сидите себе тихонько до поры до времени, а потом башню в раз сносит, пизда с ума сходит. Ты ведь думала об этом... я права? Ты ведь, дровичь на тех троих парней признайся?

«Это были слова, трахнутой тупой суки! Настоящего кровожадного монстра, который случайно оказался моей собственной сестрой! Я не в чем ни виновата... просто тогда у меня не было сил и опыта что бы защищать себя!» — пронеслось в голове Олеси, а пальцы полетели

все быстрее и быстрее. Психология возбуждения порой бывает очень странной. Найдя для себя какое-то новое извращенное удовольствие, Олеся взрывалась зарядами высшего наслаждения, она кончала.

Ей было тошно от самой себя. Как она могла? За считанные минуты отбросила себя назад, отинула всё уважение к себе, которое росло и укреплялось на протяжении стольких лет, с тех самых пор как она вырвалась из-под опеки своей блудливой шизофренички мамы, рассталась с безумной алкоголичкой сестрой. А теперь все её представления о себе самой рассыпались в прах.

Чувствуя себя отравленной странной бациллой, она лежала, тяжело дыша с вульгарно раздвинутыми ногами с влажным влагалищем, пульсирующим клитором. Рука её при этом блуждала между лицом и лоном переносившей её собственные соки из половых губ в собственный жадный рот... Она даже не сразу отдала себе отчета в том, что делала, это было наваждение, наитие. Оргазм был особой силы — мощный, испепеляющий, оглушающий. И ощущение, которое он дал, держалось еще долго.

Олеся осознала, нечто непостижимое — что странным причудливым образом её наивысшее возбуждение соединялось с фактором собственного подчиненного даже жертвенного положения. Олеся полюбила вспоминать о тех случаях. Со временем в её голове более смело и отчетливо стала звучать давно появившаяся мысль — она хотела большего.

Олеся решила стать рабыней.

Эта идея так захватила её, что скоро стала каким-то наваждением. Она обдумывала ее и ночью и днем. Олеся заметила, что в рассказах Госпожа часто заставляла свою рабыню одеваться как шлюха дабы поставить в унижительное положение и давала различные изощренные задания. Она решила, что ей самой пора узнать каково, почувствовать себя шлюхой — быть готовой, к тому времени, когда познакомится со своей Госпожой.

К тому же поразмыслив, она поняла, что это было идеальным моментом. Она была домохозяйкой, имела много свободного времени, жила в огромном новом микрорайоне, где практически никого не знала. С утра и почти до вечера она была предоставлена сама себе. Это был её шанс.

Она решила, что ближайшее время посвятит экспериментам над своим собственным разумом, моралью и устоями. Ей было очень не просто пойти на это, Олеся всегда была скромной и стеснительной, но что-то глубоко внутри неё заставляло каждый раз её идти дальше.

Во-первых, она стала регулярно пересылать дошедшей до ручки спивающейся сестре деньги, тайно отрывая их из семейного бюджета. Её супруг ещё постольку — поскольку общался с её матерью, когда та была ещё жива, но вот сестру на дух не переносил. Та, со своим задиристым, как и она сама дружком была виновницей абсолютно нездоровой атмосферы, которая царила на их празднике, а попросту испортила своими пьяными выходками всю их свадьбу.

Теперь для Олеси это стало не важным, как и то, что она ни разу не дождалась не единого звонка с благодарностью. По сообщениям знакомых, сестра деньги получала и успешно пропивала, а «богатенькую» и «добренькую» Олесю крыла матами и осыпала проклятьями.

Во вторых начала учиться делать качественный куннилингус и ануслинг — практикуясь часами со слепком вагины и ануса в натуральную величину, который сгорая от стыда, приобрела в интим магазине. Работала самозабвенно как заведенная — с полной

самоотдачей, с неистовым усердием. Она хотела показать Госпоже, какая она обученная и уже много умеющая шлюха, что её язык чего-то да стоит. Если конечно дело когда либо, дойдет до того что бы пустить его в ход.

В третьих она знала, что Госпожа предпочёл бы увидеть её выбритой там внизу. С момента решения стать рабыней — она всегда держала свою киску полностью гладкой и безволосой, чувствуя при этом себя более открытой и уязвимой, как и положено быть настоящей рабыни. Не было проблем с правильным преподнесением этого факта и для мужа. Она просто сказала ему как то в момент уединения:

— Как ты отнесешься к тому, что я буду брить себя там... всегда. Ведь ты именно так хотел, что бы моя киска была открытой и гладкой? Помнишь любимый? Он мягко улыбнулся ей и нежно поцеловал в губы.

— Здорово! — сказал он, отстранившись от её сочных спелых губ. — Рад это слышать красавица моя. Твоя сладкая киска теперь будет радовать меня во всей красе! Спасибо!

Да, ему всегда нравилось эта идея, он находил это сексуальным и возбуждающим. Теперь постоянный вид её голой киски льстил его самолюбию, это ведь для него как он искренне полагал. Ему казалось, что в моменты бритья она будет думать о нем. Ведь они оба знали, что за все время их жизни вдвоем, ни один из них даже не имел никакого флирта с кем-то на стороне, не говоря уже об изменах. Поэтому он полностью ей доверял. У них была крепкая эмоциональная связь, он считал её очень порядочной и надежной.

В-четвертых, когда она шла на улицу, то теперь всегда надевала юбку. Когда садилась на остановке или в общественном транспорте, не скрещивала ноги, а слегка разводила их в стороны, и с немного задравшейся юбкой показывала свои трусики. Всё это было совершенно ново и невообразимо странно.

От мысли о том, что она выходит в мини юбке на улицу, и позволяет людям видеть её одетую как шлюха и между всегда разведенных ног — её трусы, её трясло, становилось страшно, но всё это одновременно заставляло её влагалище быть мокрым. Что если кто-то из числа знакомых мужа увидит её в таком виде? Ведь её супруг был приличным человеком, добрым, отзывчивым и ни в какой мере не заслуживал такого. Это было за гранью фолы, но Олеся ничего не могла с собой поделать. В такие моменты демонстрации себя на её губах блуждала стеснительная полу улыбка, перемешанная с мазохисткой жаждой...

Ожидая автобус, она чувствовала взгляды мужчин. Кто-то смущался своего подглядывания, кто-то пялился открыто, нагло. Наиболее смелые и решительные, уже пытались её склеить. Естественно безуспешно. Но каждый раз Олеся задавалась вопросом, как далеко бы смогла зайти в своей покорности и желании служить Госпоже?

Спустя время, как она считала, Госпожа приказала бы ходить в юбках слишком коротких, таких, что бы едва прикрывали задницу, и в топах, без лифчика, позволяющих видеть её свободную грудь и выпирающие через ткань соски. Олеся подробно представляла себе каждое унижение, которое сопровождало бы её при таких нарядах. Она заходила все дальше, но на это пока не могла решиться, это означало бы окончательно потерять чувство меры... Теперь ей и так приходилось отражать многочисленные наглые домогательства, отбиваться от сексуальных преследований, выслушивать самые непристойные вульгарные предложения. Чувство самосохранения, все ещё пыталось удержать её на месте, но Олеся изо всех сил старалась раздвинуть свои границы дозволенного как можно шире. И от одних только мыслей обо всем этом по её телу волнами прокатывались сильнейшие спазмы.

Её приключения продолжались. Олеся развивала свой эксгибиционизм и мазохизм, снимая себя голой, в различных развратных позах прикрыв лицо волосами. Она выставляла свои голые снимки в интернет в свободное плавание. Снимки легко подхватывались всемерной паутиной и пользовались большим зрительским спросом.

— Какая же ты блядище! — Звучал воображаемый голос в её голове, который как она точно могла определить, принадлежал её злой старшей сестре Рите. — Вот видишь, как я и говорила тебе. Я ведь всегда знала об этом!

И теперь Олеся была довольна всей своей проделанной работой. Она зашла достаточно далеко. Она прошла долгий путь. Ей нравилось позорная мысль, что множество мужчин, могли рассматривать её голое тело. Они могли думать о ней как о доступной шлюхе предоставляющей тело для их развлечения и удовольствий. Олеся понимала, что её мысли ненормальны. Со стороны все выглядело чистой воды безумием! При этом её трусики становились мокрыми насквозь.

В тоже время она никогда не искала никаких реальных отношений с мужчинами на стороне, и отвергала все предложения познакомиться обильно поступавшие к ней в последнее время прямо на улице. Ей вовсе не хотелось изменять. И то ли в оправдание себе, то ли действительно, но ей казалось, что лесбийские отношения это меньшее из зол — это за измену никто не посчитает. На это можно пойти. Она решила, что это не слишком большая жертва. Ведь максимум что может получиться эта легкая интрижка без последствий — эксперимент. Считай, что это просто приключение. Почему бы не позволить себе чего — ни будь этакого? Это будет лишь захватывающим приключением, она ощутит новые острые ощущения.

К тому же, Олеся хотела намного больше чем простой секс. То, что она искала, было больше психологическим аспектом, чем физическим — она желала отдать не только свое тело но и разум. Женщина дрожала от мысли отдаться во власть постороннего человека. Другой женщины, такой же, как она сама. Госпоже, которая использовала бы её душу и её тело по своему усмотрению, не обращая внимания на её мысли и чувства, ведя её вниз по дороге унижений.

Конечно, все это зрело и вызревало в её душе постепенно. Эта идея, которую она поначалу считала дикой, в конце концов, полностью захватила её. Таким образом, она имела фантазии о том, что быть ведомой сексуально другой женщиной. Но за одиннадцать лет брака никогда не заговаривала об этом с мужем, боялась что он посчитает её странной или того хуже психически ненормальной.

Она не могла бы сказать точно, когда у неё появилась мысль, реально найти Домину, но вот уже долгое время она плотно засела в её голове. Застряла у неё в голове, словно отравленная стрела, рыболовный крючок, заноза. Она пыталась гнать ее, вдалбливая самой себе, что она вовсе не тот человек, чтобы совершить такое, — счастливая в браке женщина, маленький обычный незаметный человек как и все. И конечно никто бы в жизни не заподозрил, какие мысли иногда таяться в её голове.

Прошли годы, месяцы, дни и часы внутренней борьбы, прежде чем она, наконец, поняла, что действительно собирается сделать это. Она больше не станет терять время, взвешивая все «за» и «против», а просто поддаться первому побуждению. И такое побуждение возникло именно в то утро, когда она после продолжительной мастурбации зашла на сайт садо-мазо знакомств, и увидела то короткое объявление. Оно притягивало ее, как магнит. И вот теперь

Олеся задавалась мыслью о том, что бы и взаправду встретить Госпожу. Она чувствовала, что ее груди трепетали, а между голыми бедрами разливалась горячая влажность, когда она смотрела на скудную строчку на мониторе:

«Госпожа изъявит желания иметь рабыню, стройную, сексуальную, до 35-лет.»

Номер сотового. Написавшая объявление ни указала, не своего возраста, ни описала свою внешность — просто «Госпожа». Олеся смотрела на строчку, как на магическое заклинание, как на что-то волшебное, тайное зашифрованное послание, словно каким-то волшебным образом адресованное именно ей из совершенно иного мира. И необычное имя, источающее силу и могущество, существующее только для посвященных — Госпожа. А её собственное название должно быть — рабыня... И это имя имело для неё значение. Только примет ли она его? Ведь это не было фантазией, все выглядело очень реальным.

Она перечитывала скудную строчку вновь и вновь, нервно хихикая от мысли, что, похоже, на самом деле, всерьёз готова перешагнуть запретную черту. Затем поднявшись с кресла, и подойдя к шкафу, она выудила из своего гардероба, ремешок с круглой блестящей пряжкой и захлестнула его вокруг своей тонкой шеи — воображая ошейник. И теперь будучи голой в импровизированном ошейнике показала перед зеркалом, оценивая себя саму.

Тонкокостная по-девичьи стройная брюнетка с небольшой грудью, но широкими бедрами, тонкой талией, красивыми ногами. Олеся опустилась на колени перед зеркалом, развела колени широко в стороны, руки завела за голову и сжала на затылке, трепещущую грудь с торчащими сосками максимально выпятила вперед, опустив при всем этом свои смущенные глаза вниз.

— Я готова... Я готова моя... моя Госпожа. Позвольте служить вам всем, что только я имею. Используйте и злоупотребляйте мной. — Тихо сорвалось с её губ и языка. Она склонила голову. — Только позвольте ничтожной рабыни иметь честь носить ваш ошейник... Госпожа. Женщина ясно представила себе, как сестра стоит прямо за её спиной. Как она созданная её собственным воображением довольно улыбается, наблюдая все представление, видя её позу покорности и внимания. По её телу волнами покатались судороги радости. Возбуждение Олеси стало невыносимым до грани безумия, высокая температура между бедрами предельной. Стоя по-прежнему на коленях перед зеркалом дрожа всем телом Олеся, опустив одну руку на грудь, вторую между ног, наконец, позволила себе достичь кульминации, по своей мощи, которая имела для её тела разрушительную силу, словно она улетела в бездонную пропасть. Олеси понадобилось, по меньшей мере, десять минут, что бы просто прийти в себя.

После чего она приняла душ и оделась. Загружая белье в стиральную машинку, вдруг во внезапном порыве повинувшись непреодолимому тяготению, она, бросив все, направилась к компьютеру, зашла на нужный сайт, и дрожащей рукой набрала указанный номер. Глубоко вздохнув, нажала на вызов. Отключилась. Уже три раза она бралась за телефон и откладывала его. Она вся трепетала. Сидела в вертящемся кресле в нерешительности и кусала свои полные красиво очерченные губы. Сосало под ложечкой. Она и в самом деле боялась. Олеся покачала головой и вздохнула. Закрыла глаза, перевела дыхание.

«Ты уверена, подруга, что это хорошая идея?» — спросила она себя, чтобы оттянуть время. Она ведь и без этого знала, что это очень плохая идея. — «Это же нелепо. Какая такая ещё Госпожа? Ты живешь в реальном мире среди реальных людей! И здесь такого не бывает. Ты что совсем потеряла голову?».

Игнорируя свой разум, Олеся попробовала подстегнуть себя: «Ты просто трусишка... Ты боишься выглядеть глупо и неуместно. Но не все ли равно, рабыни, что он о ней подумают?»

Олеся сделала последнюю отчаянную попытку собраться с духом. Хватит тянуть. В конце концов, она совершает звонки по самым разным делам, почему же не может взять себя в руки на этот раз? И всего-то надо сделать — одно движение. И нажала кнопку вызова вновь. Женщина вся съёжилась в страхе и принялась ждать ответа.

— Да, — Ответил соблазнительный но очень твердый женский голос с легкой хрипотцой. Голосу, судя по всему было за 50-т. — Слушаю.

— Здр... Здравствуйте. Понимаете... в общем... я узнала ваш номер из объявления по интернету, — Объятая паникой поняв, что сейчас потеряет сознание, произнесла Олеся. Сердце её стучало, как молот. — Я... я правильно попала? Я туда звоню?

На том конце трубки воцарилось долгое леденящее душу звенящее молчание. Наконец незнакомый сексуальный голос сказал, как бы вспоминая что-то забытое:

— Пусть будет так. Но для достоверности прочитайте объявление.

В хриловатом голосе ясно чувствовалась властная хватка. С трудом сглотнув комок в горле, Олеся выдавил из себя:

— В объявлении... Было... мм... Извините, я очень нервничаю... , — Ей пришлось прокашляться и потратить немало усилий, чтобы хоть немного начать контролировать свой голос. — Написано: «Госпожа... изъявит желания иметь... рабыню... стройную, секси... до 35-лет.»

— Это ты? Ты пытаешься убедить меня, что ты та, кто мне нужна? — Голос незнакомой женщины теперь зазвучал одновременно и резко и повелительно и пренебрежительно.

— Нет... ой, то есть да... Я хотела бы... — Смущенно бормотала Олеся, судорожно сглатывая от волнения — горло сводило судорогой. Стыд и позор полностью охватили ее. Непривычная к роли рабыни, Олеся напряглась, не зная, что говорить и как себя вести. — Я согласна...

На том конце раздался тихий смех.

— Ты сейчас сидишь или стоишь?

— Я сажу...

— Встань.

У Олеси дыхание перехватило. Она немедленно подчинилась.

— Я встала...

— Когда ты говоришь с Госпожой, ты должна выказывать должное уважение. Где ты находишься в данный момент?

— Я в спальне... я у себя дома... я одна... — пробормотала Олеся.

— Отлично. Раздевайся! И становись на колени.

Каждое слово незнакомки словно несло в себе удар хлыста. Спальню Олеси наполнили звуки снимаемой одежды.

— Ну, где ты там? — Недовольно позвала её женщина из трубки.

— Да, простите, я полностью голая. Я на коленях.

Широко распахнув глаза, Олеся дрожала всем телом. Неужели это всё происходит на самом деле, неужели это не просто её очередная фантазия?

— Хорошо, — Незнакомка сказала. — Это очень хорошо. Я управляю тобой. Думай об этом. Возможно, я позабавлюсь с тобой. Ты замужем?

— Да.

— Дети?

— Да. Сын. Он школьник.

— Где сейчас муж?

— Уехал... в командировку.

— Ты не работаешь?

— Нет.

— Цвет волос?

— Я брюнетка.

— Я перекрашу тебя в блондинку. Брюнетка у меня уже есть, нужен контраст. Ты поняла?

— Да. — Пробормотала Олеся, близкая к истерике.

— Хорошо. Я исправлю в тебе всё что захочу. Ты подчинялась кому-нибудь?

— Мм. В юности... капельку...

— Тебя били?

Олеся закрыла глаза.

— Да... немного.

— Опиши себя.

Олеся в мгновение встрепенулась, ее веки распахнулись.

— Я... я не знаю,... Она запнулась. — С чего я должна начать?

— Как ты выглядишь помойка. Быстро, мямля, мне некогда.

Олеся испугалась, что делает что-то неправильно, боясь, что незнакомка передумает и с секунды на секунду повесит трубку начала говорить то, что пришло в голову:

— Меня зовут Олеся, Мне 32, у меня длинные волосы. Я ммм стройная. И довольно хорошенькая. Парни, считают, что есть на что посмотреть...

Олесю трясло.

— Да кем ты себя вообразила сраная сучка? — резко отозвалась незнакомка: — Сколько вес, рост? Я буду пороть тебя за эту тупость и дерзость как сидорову козу.

С каждым словом, с каждой фразой голоса в трубке Олеси все сильнее и сильнее казалось, что та с кем она говорит, не просто какая-то женщина — такая же как она сама — а настоящая Госпожа.

— Простите... Вес примерно 51 рост 167... — Виновато пробормотал Олеся, почувствовав, что краснеет. Но окончательно залилась краской с головы до пят — когда согласно приказу приступила к описанию груди. Чувствительности сосков. Ответу на вопрос, большая ли у неё жопа... Затем, Госпожа осведомилась бреет ли Олеся свою пизду. Выяснила, была ли она уже лесбийской шлюхой и рабыней.

Получив ответ на каждый вопрос, Госпожа заявила, что считает самым главным — желание и своеобразный талант. Высказала сожаление о том, что у Олеси маленькие сиськи. Заметив, что любит бить рабыню по большим титькам которые забавно стучаются друг об дружку, связывать их веревками, так что те раздуваются и выглядят как пара лиловых шаров. Но заверила, что о местоположении шкатулки с полным комплектом игл Олеся и её грудь с сосками очень хорошо узнают. И продолжила расспросы, велев при этом, говорить Олеси о себе в третьем лице использую словосочетание — «тупая рабыня».

И голая Олеся, стоя в своей спальне на коленях перед невидимой собеседницей, отвечала:

— Ту... тупая рабыня абсолютна лысая ниже головы... ммм. Маникюр, педикюр, косметология, ароматерапия... и... и депиляция. Деньги получает от мужа.

— Т-т... тупая рабыня следит за фигурой.

— Тупая рабыня здорова...

Ее трясло все сильнее.

— Тупая рабыня не принимала... пиздой кулак. Но... Она... она готова к растягиванию дырок.

— У тупой рабыни нет любовника.

— Тупая рабыня никогда не принимала в пизду и очко ничего толще члена мужа... но она готова... Расширяться... до того предела до которого пожелает Госпожа...

Она не верила то, что все это произносит. Олеся могла дышать, вдыхая воздух небольшими порциями.

— Моё... Умоляю простите... тело тупой рабыни в вашем полном распоряжении.

Женщина чувствовала, что попала, в какую-то искривленную параллельную реальность. Все это было так не правильно, но от всего происходящего, от произносимых ею диких слов ощущала сильные вибрации, проходящие по клитору.

— Мне нравится твой испуганный голос, будто овечьё бляение, забавляет. Я вижу, что ты нуждаешься в таком унижительном обращении, как настоящая чмошница, какую я ищу. Я права?

— О, да Госпожа... вы всегда и полностью во всем правы...

— Тупица, повторяй за мной оскорбления! — прорычал голос незнакомки. — Говори, что ты чмошница!

— Умоляю, простите меня Госпожа... — сказала Олеся тихо. — Вы правы, я... я чмошница Госпожа...

— Громче, — потребовал голос. — Пускай все твои соседи тебя услышат и узнают кто ты такая!

— Я чмошница Госпожа! Я готова ко всему, к любым унижениям своей любимой Госпожи! Хозяйка, я готова. Пожалуйста, пожалуйста, позвольте мне служить вам.

Олеся удивлялась самой себе, настолько казалось, она в полной мере вошла в роль покорной рабыни.

— Думаю, я бы хотела посмотреть на такую опущенную тварь как ты. Когда ты свободна?

— Д... до шести завтрашнего дня, около семи приезжает муж Госпожа... а сынуле я оставлю деньги на еду с доставкой на...

— Подъезжай через час... — оборвал её женский голос. — Пиши адрес...

Незнакомка на том конце связи сообщила адрес — улицу, дом, номер подъезда. И обговорила с Олесей будущий порядок действий. Велела, что бы Олеся встала перед её подъездом на достаточном расстоянии, что бы можно было увидеть её из окна. Незнакомка проинформировала Олесю о том, что посмотрит на неё из квартиры и если заметит нечто, достойное ее внимания и годящееся для использования, то впустит в квартиру и познакомиться поближе.

— И что бы ты была перед моим подъездом, в короткой юбчонке, без трусов. В твоей лысой блядской пиздище должна быть свежая сперма внутри. Это испытание в полной мере покажет мне, твою готовность быть моей рабыней. Первый урок того, в чем как я уверена, ты нуждаешься. Ясно шлюха?

Олеся приросла к месту. Ей стало не хорошо.

— Но... как я смогу это сделать Госпожа? Муж ведь в командировке?

— Это твои проблемы. Ты сделаешь так, как я сказала. Я полагаю если ты правдиво себе

описала, то сможешь без проблем найти знакомого или незнакомого мужичка на стороне, который быстро согласится всунуть в тебя хуй и прыснуть в тебя горячей струёй. Мне все равно кто это сделает. Молодой, старый, жирный, тощий. Главное в любом случае это не был бы твой муженек. Ты должна будешь написать на лобке — СЛИВ, и показать стрелкой на свою дырку. Исключив любую прелюдию, попросишь ебаря снять процесс на телефонную камеру, так что я смогу удостовериться во всем. Что ты наплетёшь, чтобы выкрутиться — твое дело, меня не колышет, скажешь правду о том, что ты рабыня другой женщины, или наврешь с три короба. Но знай, у тебя очень мало времени и если я запущу тебя к себе, и мне чего-то не понравится, я тебя заставлю раздеться и с голой жопой выпну тебя за дверь. Ты все поняла тварь?

Приказ вызывал панику у Олеси. Ее большие глаза широко раскрылись от страха. У нее практически не было времени, чтобы переварить слова Госпожи, но Олеся точно знала — она не должна допустить такого. Она не должна... не могла.

— Я попытаюсь. — Голос Олеси прозвучал робко и нерешительно. — Я поняла ваш приказ, но не знаю, как все это принять... это так неожиданно... это всё настолько сильно и экстремально...

На том конце трубки просто испытующе молчали. Олеся колебалась какое-то время, а затем услышала, как словно чужой, но все, же её собственный голос ответил «да, Госпожа. Я-я сожалею о своём колебании, я н-не хотела... мне так жаль. Я хочу доставить Вам удовольствие. Любым способом. Я ваша полная рабыня... я согласна на всё Госпожа. «, и «большое спасибо», «до свидания Хозяйка, благодарю покорно». Голос ее дрожал.

После чего тишина в трубке у её уха воцарилась окончательно, услышав все, что хотела Госпожа (даже обычного человеческого имени, которой Олеся так и не узнала) не потрудившись ответить ей, молча, издав лишь короткий смешок, отсоединилась. С тяжело бьющимся сердцем Олеся отключила вызов, с тревожным чувством посмотрела на часы. Поднявшись с колен, положила телефон на компьютерный столик и замерла на месте. В её ушах звенел смех молодой Риты. Она как никогда презрительно смеялась.

Голая Олеся, немного помедлив, встала напротив зеркала и медленно опустилась вниз, заняв позу которую она видела в некоторых бдсм фильмах. Колени широко открыты, попа опирается на пятки, спина выгнута, груди выставлены вперед — каждый мускул напряжен, руки тыльной частью раскрытых ладоней лежат на бедрах. Голые губы киски между ее открытых бедер влажно блестели в отражении зеркала.

Сначала раздался шепот:

— Рита помоги мне... — Олеся помедлила, затем судорожно вздохнув, продолжила: — Пожалуйста, Рита помоги мне стать той, которой я хочу быть... Научи меня быть покорной, помоги мне в этом. Я больше не подросток. Я превратилась в женщину. Теперь я хочу этого. Ты и сама видишь. Теперь я готова к обучению. Это все, что я хочу.

Теперь слова вырывались из ее рта:

— Что, ты хочешь, чтобы я сделала? Я должна отдаться тем парням из твоей компании? Я должна отдаться незнакомцу по приказу Госпожи? Ты этого хочешь? Да?

Олеся задыхалась.

— Да, да, да мои Госпожи! Повелевайте мной! Я сделаю это!